
Оглавление

Введение

9

Седьмой час ночи (00:00–01:00)
Страж храма передается воспоминаниям

11

Восьмой час ночи (01:00–02:00)

Рабыни разыгрывают пьесу

25

Девятый час ночи (02:00–03:00)

Врач лечит аррефору

38

Десятый час ночи (03:00–04:00)

Флотоводец отправляется в плавание

49

Одиннадцатый час ночи (04:00–05:00)

Раб приступает к работе в руднике

61

Двенадцатый час ночи (05:00–06:00)

Вазописец создает новый шедевр

72

Первый час дня (06:00–07:00)
Колдунья накладывает заклятие

81

Второй час дня (07:00–08:00)
Учитель борьбы готовится к тренировке

92

Третий час дня (08:00–09:00)
Торговка рыбой устанавливает прилавок

103

Четвертый час дня (09:00–10:00)
Приезжий спасает жизнь

115

Пятый час дня (10:00–11:00)
Домохозяйка встречается с любовником

127

Шестой час дня (11:00–12:00)
Филарх проводит смотр отряду всадников

139

Седьмой час дня (12:00–13:00)
Булевт делает перерыв на обед

150

Восьмой час дня (13:00–14:00)

Рабыня беспокоится

162

Девятый час дня (14:00–15:00)

Скороход отправляется в Спарту

171

Десятый час дня (15:00–16:00)

Гоплит приходит в ярость

182

Одиннадцатый час дня (16:00–17:00)

Капитан заходит в гавань

193

Двенадцатый час дня (17:00–18:00)

Градостроитель подвергается перекрестному допросу

202

Первый час ночи (18:00–19:00)

Гетера готовится к симпозию

213

Второй час ночи (19:00–20:00)
Контрабандист организует поставку инжира
224

Третий час ночи (20:00–21:00)
Спартанский шпион находит золотую жилу
234

Четвертый час ночи (21:00–22:00)
Гость изгоняет дебошира со свадьбы
246

Пятый час ночи (22:00–23:00)
Невеста переселяется в дом жениха
258

Шестой час ночи (23:00–00:00)
Танцовщица пылает страстью
268

Эпилог
278

Библиография
279

Алфавитный указатель
283

ВВЕДЕНИЕ

Добро пожаловать в Афины! На дворе 416 г. до н.э., месяц элафеболион, канун праздника Великих Дионисий (начало апреля). Сейчас в городе около 30 000 жителей и самая высокая в истории человечества концентрация гениев на квадратный метр.

Совсем скоро судьбоносная война положит конец золотому веку Афин, но мы еще успеем провести двадцать четыре часа в компании простых афинян. Время от времени они встречают местных великих людей, однако видят в них не титанов мысли, а простых смертных, которым ничто человеческое не чуждо. В конце концов, гении не так уж часто занимаются чем-то гениальным. Большую часть времени они ведут себя как обычные люди: ходят в туалет, ругаются с супругами или выпивают с друзьями.

В большинстве древних текстов простые афиняне упоминаются, только если им доводится взаимодействовать с кем-либо из выдающихся жителей города. В этой книге все наоборот: афинские гении появляются, лишь когда они встречаются с обычными людьми, занятыми повседневными заботами.

Одни главы этой книги основаны на данных археологии, другие — на античных текстах, пересказанных с точки зрения обычного афинянина. Все такие пересказы снабжены ссылками на источники.

В основе некоторых реконструкций лежат догадки, однако они, в свою очередь, опираются на достижения современной науки. Каждая глава рассказывает — по возможности словами самих афинян — об одном часе одного дня из их

жизни в этом необыкновенном, изменчивом, великолепном и безнравственном городе в эпоху его наивысшего расцвета.

Весной 416 г. до н.э. афиняне все еще наслаждаются мирной жизнью. Пятью годами ранее Никиев мир положил конец первому этапу разрушительной Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.). Неоднократные нападения спартанских войск опустошили окрестности города, однако сейчас Афины сильны как никогда. Более того: Алкивиад, *enfant terrible* афинской политики, подталкивает горожан к дерзкой попытке вторжения на Сицилию.

В лихорадочной атмосфере эпохальных перемен и политических интриг в городе, где при помощи рабства и угнетения создаются величайшие творения западной цивилизации, простые афиняне, столкнувшись с чрезвычайными обстоятельствами, пытаются продолжать жить обычной жизнью.

Вот их история.

СЕДЬМОЙ ЧАС НОЧИ

(00:00–01:00)

СТРАЖ ХРАМА ПРЕДАЕТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМ

Атеистов в Афинах не много, но и эти немногие пересмотрели бы свои взгляды, если бы поменялись местами с элейцем Пантарком. Этой ночью Пантарк охраняет самое сердце Акрополя — Парфенон, посвященный богине Афине храм. Прямо сейчас, ровно в полночь, Пантарк живо ощущает ее присутствие. Она стоит у него за спиной.

В мерцающем свете масляных ламп богиня отбрасывает тень прямо на Пантарка, и ее богато украшенный шлем слегка двигается, как будто Афина покачивает головой, взирая на оказавшегося в ее владениях смертного. Пантарк не сомневается, что ее глаза, лазурно-синие при свете дня, ныне приобрели свой истинный цвет — стальной серый, цвет предрассветного афинского неба. «Сероглазой богиней» зовут ее греки — священную Афину, мудрейшую дочь Зевса, покровительницу сражающихся.

Пантарк оборачивается, но медленно, так, что сперва он видит лишь отражение богини в расположенном у ее ног бассейне, наполненном переливающимся в свете огня маслом. Страж не поднимает взор, но ему хорошо известно, что богиня очень высокая, в девять раз выше взрослого мужчины, и что ее кожа бела, как слонобая кость. Афина протягивает бледную руку, словно предлагая людям награду в виде

победы — в буквальном смысле, ведь богиня отложила золотое копье, прислонив его к левому плечу, чтобы на ее ладони могла разместиться Ника — воплощение победы.

Победа — вещь ненадежная, того и гляди она упорхнет, взмахнув позолоченными крыльями; обнадеживает лишь то, что Афина не покинет свой город и будет защищать его вечно. Как всякая почтенная афинянка, она облачена в пеплос — одеяние, свешивающееся с плеча, подпоясанное по талии и элегантно ниспадающее до щиколоток. Простые женщины носят пеплосы из небеленой шерсти, аристократка может щеголять в пеплосе из окрашенного пурпуром льна, но только Афину, любимицу Зевса и спутницу героев, украшает пеплос из чистого золота.

Пантарк делает шаг назад, чтобы получше разглядеть лик своей богини. Сегодня она кажется ему непривычно серьезной. Может быть, она думает о том далеком дне, после которого прошло уже полжизни — дне, когда ее воплотили руки гениального мастера? Божественная Афина родилась из головы Зевса, однако тело, в котором она теперь пребывает, впечатляющее изваяние, установленное в возведенном специально для него храме, было создано Фидием — величайшим скульптором не только своего времени, но и (по очень предвзятому мнению Пантарка) всех времен.

Мы можем представить себе изваяния прекраснее Фидиевых, хотя не видели в этом роде ничего совершеннее.

Цицерон. «Оратор», 2.8¹

¹ Перевод И. П. Стрельниковой. Цит. по: Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972.

С тех пор многое изменилось, но Афина осталась прежней — царственной и в то же время доступной, великолепной при свете дня, но по-настоящему оживающей лишь ночью, когда рядом не остается никого, кроме Пантарка.

С момента знакомства Пантарка с Фидием минуло почти семнадцать лет. Дело было в Элиде, небольшом городке на Пелопоннесе. Еще в юности Пантарк прославился как атлет, и выдающийся скульптор не раз приглашал его к себе в мастерскую. Фидий объяснил ему, что не многие удостаиваются чести высекать изображения великих богов Эллады. Жители Элиды пригласили афинского мастера, чтобы он изготовил для них настоящий шедевр — статую самого Зевса, могущественного покровителя Олимпийских игр, за организацию которых в ту пору отвечал этот город.

Пантарк представляет себе Фидия, снующего из стороны в сторону по пыльной мастерской, заваленной образцами мрамора, слоновой кости и редчайшего кедра. Позабыв о молодом госте, Фидий бормочет себе под нос: «Изображу его принимающим судьбоносное решение. Суровым, величественным, грозным. Конечно!». Он цитирует «Илиаду»:

Рек, и во знаменье черными
Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные
вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной
главы, и потрясся Олимп
многохолмный»²

² Гомер. «Илиада», 1528–530. Перевод Н. И. Гнедича. Цит. по: Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990.

«Именно таким! Прав был Гомер! Усажу его на трон, сделаю его, как и Афины, сияющим, из золота и слоновой кости. На голове у него будет корона — нет, лучше венок, словно из оливковых ветвей, ведь Афина, богиня оливок, родилась из чела, увенчанного этим венком! Олимпийским чемпионом становится одержавший победу, поэтому и у Зевса в руке будет Ника (надеюсь, Афина не возражает). А в другой руке — скипетр. Я потребую у элейцев средства, чтобы украсить его всевозможными драгоценными камнями. Ну а на вершине скипетра, конечно, должен быть орел. Из чистого золота! И одеяние будет из чистого золота. Его я украшу изображениями животных и цветов. Лилий, пожалуй. Лилии хорошо получают».

Лилии и в самом деле хорошо получились. Прошло всего двенадцать лет с того дня, когда статую Зевса впервые продемонстрировали потрясенным и очень довольным жителям Олимпии, а ныне она считается одним из чудес света наряду с египетской пирамидой Хеопса и висячими садами Семирамиды в Вавилоне. Элейцы же обязаны своим шедевром Афинам — но не величию этого города, а худшему, что есть в нем: мелочной зависти, подлости и демагогии афинских политиков.

Один Фидий верно воспроизвел гомеровского Зевса, ибо действительность превзошла даже высокое представление, какое [я] имел об этом изображении.

Луций Эмилий Павел, завоеватель Македонии.
Полибий, «Всеобщая история», 30.10³

³ Перевод Ф. Г. Мищенко. Цит. по: Полибий. Всеобщая история. В 2 т. Т. 2. М.: АСТ, 2004.

В ту пору Фидий был еще молод, и прошло еще не так много времени с окончания греко-персидских войн. Значительная часть Афин еще не была восстановлена после разгрома, учиненного персидскими войсками, которые оккупировали город в 480 г. до н.э. Гнев персов обрушился на Акрополь. Им, огнепоклонникам, не нужен был храм Афины, и они его уничтожили.

Перикл руководил афинской демократией не по должности, а исключительно благодаря силе своей личности. Он и принял решение восстановить Акрополь и, в частности, храм Афины — так, чтобы новые сооружения превзошли все здания в мире. Для строительства надлежало использовать только самые лучшие материалы: для стен — пентелийский мрамор, для крыши — кедровые балки и позолоченную черепицу.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

Разделите линию надвое таким образом, чтобы большая часть относилась к меньшей так же, как вся линия — к большей. Отношение большей части к меньшей будет равно 1,618... (как и в случае с числом π , дробь бесконечна).

Это соотношение, именуемое золотым сечением, используется в искусстве и инженерном деле и, как следствие, в архитектуре. Отношение длины Парфенона к его ширине соответствует золотому сечению, что неудивительно, ведь золотое сечение открыл не кто иной, как Фидий. В математических формулах оно обозначается греческой буквой Φ (фи), с которой начинается имя Фидия.

Меньшие статуи изготавливались из мрамора с острова Парос, лучшего в мире. Статуя Афины должна была занять центральное место в храме, которому належало стать ядром Акрополя, а Акрополь считался сердцем Афин. Для такой важной статуи не подходил даже самый лучший мрамор: ее нужно было изготовить из отполированной слоновой кости и чистого золота, чтобы великолепие Афины напоминало молящимся о величии ее города и народа.

Строительство курировали три человека: один отвечал за привлечение рабочих и закупку материалов, другой — за архитектуру и инженерные работы, а третий — за то, чтобы из множества элементов получилось цельное произведение искусства. Этим третьим и был Фидий.

Никто не отрицает, что Фидий и его коллеги превосходно справились с поставленной перед ними задачей. Однако, поддавшись тщеславию, скульптор польстил самому себе и своему покровителю Периклу: на фризе, изображающем битву афинян с амазонками, он изобразил себя в виде воина, бросающего в амазонок камень, а другого участника сражения сделал поразительно похожим на Перикла. Хуже того, ходили слухи, что Фидий приглашал знатных женщин взглянуть на незавершенную работу, чтобы дать Периклу возможность соблазнить их.

Противники Перикла решили, что смогут навредить ему, если устроят Фидию. Они подговорили одного из помощников скульптора засвидетельствовать, что Фидий присвоил себе часть золота, предоставленного для украшения облачений Афины. Золота выделили чрезвычайно много, поскольку статуя должна была служить не только символом славы города, но и чем-то вроде его резервного банка. В случае крайней необходимости драгоценный ме-

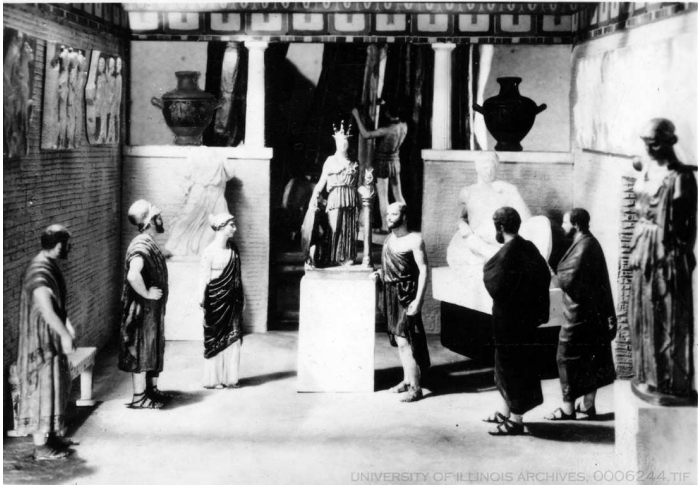
талл можно было снять с облачений и потратить на строительство кораблей и выплату жалованья наемникам, но при условии, что впоследствии он будет заменен новым. Более того, Парфенон отличался от большинства храмов тем, что его наос — помещение, в котором и располагалась статуя — был разделен на две части. За спиной богини находилось надежное хранилище, наполненное золотом, серебром и данью, которую выплачивали города, входившие в Афинскую державу.

Перикл предвидел и опасность растраты, и политические последствия выдвижения подобного обвинения. Он велел Фидию сделать так, чтобы при необходимости золото можно было снять со статуи и взвесить. Взвешивание продемонстрировало, что весь металл был на месте. «Ой, я ошибся! — заявил на это вероломный помощник Фидия. — Я имел в виду не золото, а слоновую кость. Он присвоил часть слоновой кости, из которой сделана статуя!» Элементы статуи, выполненные из слоновой кости, снять и взвесить было невозможно. На этот раз Фидию не удалось доказать свою невиновность, и он оказался в тюрьме.

Пантарк так и не узнал, каким образом Фидию удалось выбраться из афинской тюрьмы и достичь Элиды, где ему поручили работу над статуей Зевса. За этим почти наверняка стоял Перикл. Причина, возможно, крылась в том, что строительство Парфенона все еще продолжалось.

Фидий все еще был нужен афинянам: в его отсутствие за работу, которую он вынужден был прервать, взялись его молодые ученики. Пантарк вспоминает, как ежедневно — зачастую в самые неподходящие моменты — в мастерскую Фидия в Элиде навевались гонцы из Афин. Они спрашивали о пропорциях различных статуй, о том, в каком по-

рядке нужно было разместить скульптуры, о мраморе для фронтонов и о множестве других мелочей. Пантарк слушал разговоры о ходе работ, и со временем Парфенон начал будоражить его воображение почти так же сильно, как сам он все еще будоражил воображение Фидия. Пантарк понял, что должен своими глазами увидеть это грандиозное здание и величественную статую Афины, из-за которой его учитель едва не погиб. Его мучило любопытство: какими вышли все те многочисленные мелочи, о которых он столько слышал?

UNIVERSITY OF ILLINOIS ARCHIVES, 0006244.TIF

Фидий демонстрирует модель своей величественной статуи Афины⁴

Фидий позволил своему ученику отправиться в дальний путь, однако весьма неохотно. К этому времени они с Пантарком полюбили друг друга. Позднее Пантарк обнаружил, что, работая над статуей Зевса, Фидий поддался очередно-

⁴ Миниатюра Лорато Тафта, изображающая мастерскую скульптора Фидия / Courtesy of the University of Illinois Archives.